

Марина
Суровцева

МИР
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЛЬВА ТОЛСТОГО

Марина Суровцева

Мир с точки зрения Льва Толстого

«Издательские решения»

Суровцева М. Е.

Мир с точки зрения Льва Толстого / М. Е. Суровцева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503101-3

Автор книги, Марина Евгеньевна Суровцева, филолог-толстовед, всю жизнь изучала творчество Льва Толстого. В последние десять лет ежегодно выступала на международных научных конференциях — ее выступления опубликованы в ежегодных сборниках «Материалы международных Толстовских чтений». Из этих статей и составлена книга, где автор делает акцент на особенностях личности и мировоззрения Толстого, а также актуальности многих его философских идей в наши дни.

ISBN 978-5-00-503101-3

© Суровцева М. Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Л.Н Толстой	7
Значение древнекитайской философии в мировоззрении Толстого	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мир с точки зрения Льва Толстого

Марина Евгеньевна Суровцева

Дизайнер обложки Юлия Попова

© Марина Евгеньевна Суровцева, 2019

© Юлия Попова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3101-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

То время, когда творил Толстой, ушло в далекое прошлое и стало историей. Однако не только его гениальные художественные произведения до сих пор читаются с интересом и восхищением – живы и актуальны во многом идеи Толстого-мыслителя. Об этом свидетельствуют книги наших современников – писателей и философов разных стран мира, а также простых читателей, которых толстовское творчество побуждает размышлять о «вечных вопросах» жития человеческого, и больше всего о смысле жизни. Волнует читателей и сама гигантская и сложная человеческая личность Толстого.

В эту книжку вошли статьи, посвященные мировоззрению Л. Н. Толстого: его представлению о мироустройстве и месте человека в нем, роли морали, а также отношению писателя к социальным и политическим проблемам России, в частности к «женскому вопросу». Толстого-художника интересовало место искусства в жизни человека, а также творчество современных ему (и не только современных) выдающихся писателей. Этой теме тоже посвящен ряд статей.

В двух последних статьях сборника сделана попытка, опираясь на труды известных психологов и философов, обрисовать психологический портрет Толстого, а также отметить те черты его характера, которые свойственны ему как русскому человеку.

Л.Н Толстой как религиозный философ

На протяжении всей своей жизни Л. Н. Толстой путем мучительных размышлений пытался определить для себя «основные понятия жизни», найти ответы на главные вопросы, которые, как он считал, на определенном жизненном этапе задает себе каждый мыслящий человек: «что такое я и весь мир?», «зачем существую я и весь мир?», «зачем существует мир и существую я?», «есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы предстоящей мне смертью?». Уже по тому, как поставлены эти вопросы, видно: Толстой априори исходит из того, что живое (прежде всего человек) существует обязательно *для чего-то* – должен существовать смысл, и этот смысл необходимо найти. Сама постановка вопроса («кто я?», «зачем я?») предполагала для тех, кто их задавал, сделать попытку создания собственной метафизики – целостной картины того, как устроен мир, чем он управляем и какое место занимает в нем человек. Вопросы эти философские и касаются фундаментальных основ человеческой жизни.

Впрямую вопрос о смысле жизни встал перед Толстым в полный рост на рубеже 1870—1880-х годов, но задумывался он над ним еще в юности, в 18 лет, о чем говорит его ранний дневник, который Толстой начал вести весной 1847 года. Уже здесь появились мысли о «целом» и «части» (где под «целым» он разумел всю Вселенную и Бога, а под «частью» – человека), о зависимости нравственных законов от общих мировых законов и др. Так закладывался фундамент мировоззрения, которое позднее сложилось у писателя.

По-настоящему оформляться в систему взгляды Толстого стали во второй половине его жизни, в результате так называемого перелома в его мировоззрении. В «Исповеди», написанной, когда ему исполнилось 53 года, Толстой говорит: «...со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне» (23, 40)¹. Да, это был глубокий кризис, за которым последовала переоценка ценностей. Задатки же этого переворота в сознании писателя коренились и в религиозном семейном воспитании, и в особенностях его характера: рационализме, склонности к анализу, максимализме, проявившемся в вере в абсолютную мораль. Переворот был подготовлен также предыдущим жизненным опытом и постоянными размышлениями, запечатленными в дневниках, письмах, художественных сочинениях. Только проанализировав все эти материалы в комплексе, можно представить себе систему взглядов Толстого и понять смысл тех призывов, которые он обращал в последние годы ко всем людям, и прежде всего призыв перестроить себя и «жить по-Божьи», чтобы сделать мир вокруг себя лучше.

Уже в первом произведении писателя, повести «Детство», можно выявить одну из ведущих идей его миропонимания – идею единства мира. Мир Толстой видит как нечто целое, единое, где все его части гармонично соотносятся друг с другом. Такое ощущение гармонии с самим собой и с окружающими бывает у человека, как правило, только в детстве – это время естественной слитности с природой, существование бессознательное, почти животное. В детстве, по мысли Толстого, человек не отделяет себя от природы, он ощущает себя ее частью. Уже в «Отрочестве» и «Юности», и тем более во всех последующих своих произведениях, писатель повествует о неизбежном разладе человека с самим собой и окружающим миром – разладе, который каждый по-своему пытается преодолеть.

Но есть у Толстого герои, которые воплощают собой искомую жизненную гармонию: это прежде всего Наташа Ростова в «Войне и мире» – художественный образ самой силы и полноты жизни. Наташа гармонична сама и вносит гармонию в окружающий мир. Другой, подобный ей по смыслу персонаж «Войны и мира» – Каратаев – также (в толстовской интерпретации)

является воплощением гармонии. «... жизнь его, как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал», – пишет Толстой (12, 51). Образ гармоничного, целостного мира является во сне Пьеру – это сон о мире-глобусе, приснившийся ему в плену после смерти Каратаева. Глобус во сне Пьера – образ метафорический: Толстой впервые пытается здесь свести воедино свои представления о мироустройстве. В этом образе мира-глобуса центр есть Бог, а поверхность его – повседневная жизнь человека. Капли-люди, умирая, изливаются в центр – к Богу, источнику всего в мире. Постоянное перетекание капель к центру – Богу (смерть) – и всплытие их на поверхность (рождение) символизирует неизбежный круговорот жизни и смерти. Таким образом, в «Войне и мире», этой живой художественной картине целой эпохи, мы находим сцены философские (и сон о глобусе не единственный из них), в которых Толстой поднимается над текущей действительностью, чтобы увидеть мир и себя в мире не с точки зрения будничной суеты, где господствуют большие и малые человеческие страсти и интриги, а ощутить себя частью грандиозной космической структуры, включиться в ее ритм и почувствовать гармонию целого.

В «Войне и мире», в сцене, где описывается сон Пьера, появляется толстовский Бог в метафизическом смысле – как центр Всего. Без Бога (по Толстому) не выстроилась бы цельная картина мира и не было бы мировой гармонии. Идея необходимости гармонии выражена Толстым в эпилоге «Войны и мира» как апофеоз мирной жизни, завоеванной титаническими усилиями всего народа, победившего наполеоновское нашествие. Во всех же последующих произведениях писателя, написанных уже после перелома в мировоззрении, – от «Анны Карениной» до романа «Воскресение» и последних повестей («Смерть Ивана Ильича» – 1886, «Отец Сергий» – опубликовано посмертно); рассказов («Хозяин и работник» – 1895, «После бала» – опубликовано посмертно); пьес («Власть тьмы» – 1886, «Живой труп» – 1900) – герои проходят через состояние трагического разлада с собой и окружающим миром. Все они ищут смысл своей жизни – смысл, который поможет им встать на правильный путь и не только приведет к собственному душевному спокойствию, но и гармонизирует все вокруг, поможет сделать счастливыми окружающих. Именно тогда, во второй половине своей жизни, начиная с 1870-х годов, когда Толстой работал над «Анной Карениной», которая писалась в самый острый период его духовного кризиса, запечатленного в сюжетной линии Левина, Толстой все чаще обращается к мыслям о Боге и его роли в судьбах конкретных людей и человечества в целом, то есть к поискам ответа на главный вопрос: в чем смысл жизни и как надо жить, чтобы его найти и претворить в реальность.

В «Анне Карениной» Толстой фиксирует внимание на очередном этапе духовных поисков Левина, когда тот услышал от одного из крестьян его мнение о мужике Фоканьче: «Фоканьч для души живет, Бога помнит». Что значила эта загадочная фраза, так поразившая Левина? Позднее в своих публицистических и философских произведениях Толстой не раз разъяснял: жить по-Божьи значит отказаться от стремления к личному обогащению, карьерному росту, удовлетворению плотских страстей – что нередко приводит человека к ощущению неудовлетворенности, а порой даже к осознанию бессмысленности жизни. Полноценной жизнь становится тогда – и приносит человеку удовлетворение, – когда он приходит к пониманию, что жить надо «не для тела, а для духа», стремясь удовлетворять свои духовные запросы (размышление Толстого на эту тему – 40, 350). Но какие запросы прежде всего?

В ранней молодости Толстой не раз признавался в дневнике, что «всею душой желал быть хорошим». Вспоминая этот период в «Исповеди» он пишет: «Я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего» (23, 4). Ответ на то, что такое хорошее, Толстой искал долго, хотя в душе у него жило изначальное представление о «хорошем», которое нужно было только проявить, так как оно, считал писатель, заложено в человеке от рождения. В конце концов (в период перелома в мировоззрении) Толстой нашел опреде-

ление «хорошего» в учении Христа, следуя которому человек выполняет «волю Бога». А вот ответ на вопрос, что такое (или кто такой) Бог, постоянно ускользал от писателя. Когда перелом в мировоззрении Толстого завершился, он перенес свои размышления на эту тему в дневник, а потом и в публицистику – так постепенно в печати стали появляться статьи, в которых писатель излагал свои взгляды на религию, веру, Бога и мироустройство: «Исповедь» (1882), «В чем моя вера?» (1884), «Царство Божие внутри вас» (1890—1891), «Не убий» (1900), «Закон насилия и закон любви» (1908), «Не могу молчать» (1908).

Главную свою задачу с начала 80-х годов Толстой видел в том, чтобы понять «глубокий метафизический смысл учения Христа» (23, 423). Здесь очень важно слово «метафизический»: человек, по мнению Толстого, должен прежде всего установить свое отношение к бесконечному миру (или «первопричине») – иными словами, выбрать твердую почву, на которой можно строить здание своей жизни. А после этого, по словам писателя, нравственность будет сама следовать из «того или иного отношения к миру». В христианстве, считал Толстой, это отношение к миру зависит от понимания, что такое Бог как первопричина. Но понятие «Бог» для Толстого с ранних лет жизни было камнем преткновения, а ведь именно в него упиралось обоснование человеческой морали. И многие годы, почти до самой смерти, писатель старался для себя прояснить это понятие.

Постепенно Толстой пришел к выводу, что Бог – не творец мира. Идея, что мир был создан из ничего и в очень короткий срок, представлялась писателю, по его словам, «одним из самых путающих все наши метафизические понятия суеверий» (1894) (52, 131). Но если не Творец, то кто? Или что? «Бог есть икс (X), – запись в дневнике 1904 года, – но, хотя значение икса и неизвестно нам, без икса нельзя не только решать, но и составить никакого уравнения. А жизнь есть решение уравнения» (55, 98). Для Толстого «решение уравнения жизни» есть нахождение ее смысла и построение собственной жизни в соответствии с этим смыслом. Однако без Бога нельзя найти смысл, без него жизненная гармония разрушилась бы, как разрушается строение без фундамента, – потому и живет Фоканыч «для души», что «Бога помнит».

Минуты сомнений в существовании Бога не раз бывали у Толстого, и они были для него очень тяжелы. Так, в 1903 году он записывает в дневнике: «Как-то на днях ночью в постели стал думать о жизни, и смысл жизни, и Бог перестали быть ясны, и нашел ужас сомнения. Стало жутко. Сердце сжалось. Но продолжалось недолго. Главный ужас был в сомнении, в том, что нельзя молиться, что никто не услышит и ничто не обязательно. Не страх смерти. А страх бессмысленности» (55, 198). Толстому хотелось ощущать Бога как нечто близкое, такое, что может утешить его в трудную минуту и уверить в том, что жизнь имеет непреложный смысл. Такому Богу Толстой хотел молиться. Кстати, он и молился нередко до конца своей жизни, так как потребность в молитве была заложена в нем с детства религиозной семьей. Однако еще в Казани, где он, его братья и сестра жили после смерти обоих родителей в семье родной тетки Юшковой, юный Толстой со свойственным ему рационализмом стал сомневаться в существовании такого Бога, которому можно было бы молиться. «Я не признаю любви к Богу; потому что нельзя называть одним именем чувство, которое мы имеем к себе подобным или низшим существам и чувства к высшему, неограниченному ни в пространстве, ни в времени, ни в силе непостижимому существу», – записывает он в дневнике весной 1847 года (46, 267). А в другой, более поздней дневниковой записи (1 февраля 1860 года) признается: «Машинально вспомнил молитву. Молиться кому? Что такое Бог, представляемый себе так ясно, что можно просить его, сообщаться с ним? Ежели я и представляю себе такого, то он теряет для меня всякое величие. Бог, которого можно просить и которому можно служить, есть выражение слабости ума. Тем-то он и Бог, что все его существо я не могу представить себе. Да он и не существо, он закон, сила» (48, 23).

Наибольшее количество материала, необходимого исследователю мировоззрения Толстого, безусловно, находится в дневниках писателя. Дневники же, зафиксировавшие работу

мысли Толстого, его сомнения, поиски точных определений сложных понятий, попытки освоить самые глубинные основы человеческого бытия, полны противоречивых суждений: сегодня он записывает одну мысль, через несколько дней – противоположную ей. Но это противоречие кажущееся: просто он поворачивает исследуемый предмет то одной стороной к себе, то другой, пытаясь понять всю его сложность, но в конечном счете вырабатывает для себя его более или менее точное определение. Поэтому вполне можно проследить путь развития представлений о мире Толстого-философа и в итоге представить себе стройную и логичную систему его взглядов, которая сложилась у него к концу жизни.

Так, еще в молодости, как мы видели, Толстой делает для себя вывод, что Бога нельзя определять как «существо». И, однако, много позднее он все-таки не раз называет Бога этим словом. Но – оговоримся – только в дневниковых записях, для себя. Из всех определений Бога, которые мы находим в дневниковых записях Толстого (Всё, Целое, начало Всего и др.), единственное, в котором он не сомневается и которое считает для себя верным, это определение Бога как чего-то «непостижимого». Это, в частности, подтверждает личный врач Толстого Д. П. Маковицкий, последние годы жизни писателя проживавший в Ясной Поляне и записывавший все его разговоры. Так, в 1908 году – за два года до смерти Толстого – он записал его буквальное высказывание: «Познание Бога невозможно».

Еще в юности Толстой отрицал человекоподобность Бога; религиозное представление о человеке, созданном по образу и подобию Божьему, не было ему близко. Писатель не изменял этого представления на протяжении всей своей последующей жизни. Так, 13 июля 1904 года он записал в дневнике: «Наш Бог <...> страшно антропоморфичен, выдуман нами по нашим слабостям. Бог, тот, которого я не то что сознаю, не то что понимаю, а тот, существование которого для меня неизбежно, хотя я ничего не могу знать про него, как только то, что он есть, этот Бог для меня вечно непознаваемый <...>. Я сознаю нечто вневременное, непространственное, внепричинное, но я никакого права не имею называть это Богом, т.е. в этой невещественности, вневременности, непространственности, внепричинности видеть Бога и его сущность. Но начало <...> этой сущности может быть и должно быть совсем иное и недоступное мне. <...> Нет Бога, которого я могу просить, который обо мне заботится, меня награждает и карает, но зато я не случайно явившееся по чьей-то прихоти существо, а я орган Бога. Он мне неизвестен, но мое назначение в нем не только известно мне, но моя причастность ему составляет непоколебимую основу моей жизни» (55, 51). Эти слова говорят о том, что главным для Толстого было ощущать единство мира («я не случайно явившееся по чьей-то прихоти существо, а я орган Бога»). Человека Толстой представляет себе как одно из «делений» Бога, то есть как часть единого целого – одна из дневниковых записей отражает усилия писателя понять, «что же такое этот Бог, т.е. вечное, бесконечное, всемогущее, сделавшееся смертным, ограниченным, слабым? Зачем Бог разделился сам в себе?»; «все, что мы знаем, есть не что иное, как только такие же деления Бога» (53, 131). Эту мысль предельно лаконично и четко Толстой выразил в одной из самых последних своих записей за несколько дней до смерти: «Бог есть неограниченное Всё, человек есть лишь ограниченное проявление Его» (58, 234).

Все эти высказывания свидетельствуют: для Толстого не было никаких сомнений в том, что человеческую жизнь определяет не сцепление случайностей, а некие закономерности, управляющие живой и неживой природой, а также материальной и духовной стороной жизни человека – все подчиняется одному и тому же закону. И закон этот – Бог (вспомним тут запись 18-летнего Толстого, что Бог – это «закон, сила»), где Бог скорее понятие философское, чем религиозное, потому что его присутствие в мире помогает человеку выбрать правильный жизненный путь – путь следования добру, руководствуясь нравственными законами, и прежде всего законом, связывающим людей между собой взаимной братской любовью.

Любовь к людям, уверен Толстой, присуща человеку изначально, так как она является одним из проявлений Бога в человеке: это духовная человеческая ипостась, в отличие от ипо-

стаси биологической. «... все люди живут одним и тем же духом, но все разделены в этой жизни своими телами. Если люди понимают это, то стремятся к соединению друг с другом любовью» (37, 231).

По мысли Толстого, человек связан с Богом потому, что в каждом есть Божественная частица. «Душа человеческая, – пишет Толстой в книге „Путь жизни“, – будучи отделена телом от Бога и душ других существ, стремится к соединению с тем, от чего она отделена. Соединяется душа с Богом все большим и большим сознанием в себе Бога, с душами же других существ – все большим и большим проявлением любви. <...> Сойтись по-настоящему люди могут только в Боге. Для того, чтобы людям сойтись, им не нужно идти навстречу друг другу, а нужно всем идти к Богу» (45, 74). По Толстому, связь с Богом в христианстве осуществляется через нравственное учение Христа. Бог же – метафизическое обоснование этого учения. Именно его присутствие в мире делает неизбежным, необходимым существование нравственного закона в душе человека.

Когда-то в далекой молодости Толстой высказал в дневнике потрясающее предвидение – эта запись от 2, 3, 4 марта 1855 года хорошо известна: «Вчера разговор о Божественном и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущего блаженства, но дающей блаженство на земле» (47, 37). Тут высказана целая программа, обрисованы черты будущей «новой религии» – именно эту программу Толстой осуществил к концу жизни. Его религиозное мировоззрение было достаточно четко сформулировано в «Ответе Синоду», написанном в 1901 году в связи с его отлучением от церкви:

«То, что я отвергаю непонятную Троицу <...> и басню о падении первого человека, кощунственную историю о Боге, родившемся от Девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо. Бога же – Духа, Бога – любовь, единого Бога – начала Всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении». «Верю в то, что воля Бога, – говорит далее Толстой, – яснее и понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека – в исполнении воли Бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга. <...> Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой все к большему и большему благу <...>, содействует установлению в мире Царства Божия, т.е. такого строя жизни, при котором царствующие раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью между собою» (34, 248—252).

Толстой изложил здесь совершенно кратко и ясно суть своего религиозного мировоззрения. А известный толстовед Л. Д. Опульская (ныне покойная) в своих комментариях к трактату Толстого «О жизни» в 22-томном собрании сочинений Толстого привела собственные слова писателя, которые еще более коротко и доступно объясняют реальное содержание толстовской религиозной терминологии: «Когда я говорю религиозный человек, я имею в виду просто высоконравственный человек»; «когда я говорю Бог, я имею в виду добро»; «когда я пишу о царстве Божию, я имею в виду нравственные отношения между людьми»². Эти слова свидетельствуют о том, что в религии Толстого больше всего привлекало моральное учение, только следуя которому человечество может вступить на путь к царству Божию. И конечно, это говорило об отрицании Толстым ортодоксального православия и его ритуалов.

В 1901 году «Определение святейшего Синода» засвидетельствовало отпадение Толстого от церкви, вследствие чего он был подвергнут церковью всеобщему осуждению, а также

лишился права быть похороненным на православном кладбище. Толстой же остался верен выстраданным им взглядам: перестал ходить в церковь, так как осудил церковные обряды, перестал причащаться и исповедоваться, а также выразил своим близким желание быть похороненным в яснополянском лесу, на краю оврага, что и было выполнено. Однако это не значило, что писатель стал атеистом, – он остался глубоко верующим религиозным человеком – продолжал верить в непознаваемого Бога, который через Христа указал людям следовать законам любви и добра.

1 Цитаты из текстов Толстого, которые присутствуют здесь в изобилии (особенно из дневников), приводятся по изданию: *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах (юбилейное)*. М.—Л., 1928—1958. Ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках: первая цифра – номер тома, вторая цифра – номер страницы.

2 Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 томах. М.: Худ. лит., 1984. Т. XVII, с. 249.

Значение древнекитайской философии в мировоззрении Толстого

Серьезный интерес к огромной и загадочной восточной империи, остававшейся много столетий закрытой для Запада, возник в европейских странах только к середине XIX века, когда английские, французские, немецкие торговцы и христианские миссионеры буквально хлынули в Китай – бурное развитие капитализма толкало европейские правительства к экспансионистской политике. В военном отношении закрытый от всего мира Китай сильно отстал, поэтому его правительство обратилось к правительству России с просьбой помочь в деле освоения новейшего военного оружия. Тогда, вскоре после окончания Крымской войны, в которой молодой Толстой принимал участие, он чуть было не поехал служить в Китай. Впоследствии писатель вспоминал: «После Крымской войны посылали в Китай людей. Приятель уговаривал меня пойти в инструкторы артиллерийских офицеров. Помню, я очень колебался», – эту запись сделал 10 августа 1905 года личный врач писателя Д. П. Маковицкий (ЯПЗ, I, 371)¹, проживавший в Ясной Поляне с 1904 по 1910 год. Толстой остался дома, но с тех пор он стал следить за политическими событиями в Китае, с сочувствием относился к освободительной борьбе китайского народа, продолжавшейся несколько десятков лет. Уже тогда он заинтересовался историей Китая, произведениями народного творчества.

Интерес к стране с древней рафинированной культурой, насчитывавшей более 6 тысяч лет, обострился у Толстого в конце 70-х годов. Главной причиной этого стал перелом, завершившийся к тому времени в мировоззрении писателя. В муках рождался новый смысл жизни: «жить не для тела, а для духа», жить для «установления на земле царства Божьего», то есть всеобщего блага. В поисках подтверждения своих новых взглядов, которые еще не до конца сформировались в его сознании, Толстой обратился к философии – античной и современной западноевропейской. И тут, именно к концу 70-х годов, на прилавках книжных магазинов России стали появляться философские трактаты китайских мудрецов в переводах с древнекитайского на французский, немецкий и английский языки – книги, над которыми работали крупнейшие синологи Франции, Германии, Англии. Наиболее сильное впечатление на Толстого произвел трактат Лао-цзы «Дао-дэ-цзин»: «Впечатление огромное» (66, 67). Писатель познакомился с этим трактатом в 1877 году, когда Н. Н. Страхов, откликаясь на его просьбу прислать всё, что можно достать из переводов древнекитайского философа Лао-цзы (о котором Толстой уже слышал), отправил в Ясную Поляну несколько книг, из некоторых сделал выписки. Среди выписок были изречения Лао-цзы, которые Толстой сразу попытался переводить. Однако «труднопонимаемые», «мистические» мысли Лао-цзы, да еще «перевод с перевода» (55, 198) (с европейских языков, так как писатель не знал китайского языка), требовали от него колоссального умственного напряжения. Поэтому он оставил на время эту работу. Вернулся же к ней только в 1884 году, когда целиком прочитал «Дао-дэ-цзин» в переводе с древнекитайского на французский Станислава Жюльена (Париж, 1841) и на немецкий Виктора Фридриха фон Штрауса (Лейпциг, 1870), а несколько позднее – на английский Джемса Легга (Лондон, 1875). В яснополянской библиотеке находятся еще два перевода «Дао-дэ-цзина» на английский язык, изданные в Чикаго в 1888 и в Филадельфии в 1898 году, с пометами писателя².

Толстой сразу почувствовал, что перед ним совершенно оригинальная и очень стройная философская система: «...такой глубины (мыслитель). <...> Его перевести надо, чтобы был философский ум» (ЯПЗ, II, 348), – говорил он впоследствии о Лао-цзы. Работа над переводом «Дао-дэ-цзина» шла туго еще и потому, что, пытаясь разобраться в сложном древнекитайском тексте, писатель сравнивал три перевода на европейские языки – Ст. Жюльена, В. Штрауса и Дж. Легга. В результате работа опять затормозилась. Но через десять лет Толстой снова

взялся за «Дао-дэ-цзин». На этот раз к нему обратился его друг Е. И. Попов, который перевел трактат Лао-цзы, с просьбой отредактировать и проверить его перевод. Толстой, который придавал большое значение изданию этого древнекитайского трактата на русский язык, охотно согласился и на этот раз так увлекся работой, что не оставлял ее до конца жизни, периодически к ней возвращаясь. В результате перевод Попова так и не увидел света, а сокращенный вариант «Дао-дэ-цзина» был издан в издательстве «Посредник» в 1910 году под названием «Изречения китайского мудреца Лао-тзе, избранные Львом Толстым». Так, на протяжении почти 30 лет, Толстой осмыслял философию великого восточного мыслителя.

Что же так поразило Толстого в «Дао-дэ-цзине»? Почему этот памятник приковал к себе его внимание на многие годы и снова и снова звал вдумываться в сложный и во многом темный, кажущийся мистическим смысл, в нем заложенный? И можно ли сказать, что этот смысл был в конце концов понят в главных своих чертах? Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужно знать, как, по прошествии более ста лет со времени, когда Толстой постигал этот смысл, объясняется эта философия сегодня, в наши дни, когда появилось огромное количество переводов «Дао-дэ-цзина» (и продолжают появляться все новые) и комментариев к ним.

Прежде всего, для того, чтобы понять смысл древнекитайской философии, нужно иметь в виду и учитывать колоссальное несходство западной (базирующейся в основном на христианстве) и восточной философской традиции. Это несходство объясняется не только глубочайшими различиями в самой структуре жизни народов Запада и Востока (образе жизни, системах социальных и моральных ценностей, психологии) – различны самые глубинные основы культур народов Западной Европы и Дальнего Востока, даже сама структура мышления, сам подход к анализу мира в целом. На это обращают сугубое внимание современные специалисты по китайской и индийской культурам и переводчики древних восточных философских текстов, особенно древнекитайских и индубуддийских³. Но в эпоху Толстого глубина этих различий (можно сказать, диаметральной противоположности во взглядах на возникновение и функционирование мира, в котором живет человек) еще не была постигнута до конца даже специалистами-синологами. А единственный перевод «Дао-дэ-цзина» на русский язык, сделанный при жизни Толстого другом и последователем идей писателя японцем Масутаро Конисси, не отличался глубоким пониманием идей Лао-цзы и литературными достоинствами. Об этом говорят не только наши сегодняшние современники (в частности, один из самых значительных современных специалистов по философии Лао-цзы и переводчик «Дао-дэ-цзина» И. С. Лисевич, ныне покойный)⁴, но и сам Толстой, который чем больше погружался в «Дао-дэ-цзин», тем глубже чувствовал несовершенство перевода Конисси. Об этом не раз свидетельствует Д. П. Маковицкий в «Яснополянских записках», где приводит высказывания Толстого на этот счет: «Конисси перевел Лао-тзе внешне, в содержание не вник» (ЯПЗ, I, 187); «Конисси очень плохо перевел его» (ЯПЗ, II, 348) и подобные. Главное фундаментальное отличие дальневосточной традиции философской мысли от западноевропейской заключается в том, что основные системообразующие категории, на которых построено представление восточного человека об устройстве мироздания и о встроенности в него людей со своими правилами поведения и нравственными законами, совершенно иные, чем у западного. Современные востоковеды утверждают, что дальневосточная философская традиция свидетельствует о материально-духовном монизме в подходе к миру, в отличие от дуализма традиции западноевропейской. основополагающей идеей древнекитайской философии является единство мира: живой и неживой материи, духовного и материального – они не оппонируют друг другу (на чем зиждется философия Запада), а представляют единое целое. Именно этой идее соответствуют главные, основополагающие философские категории китайцев Дао и Дэ – это те две категории, на которых в дальневосточной мысли держится все объяснение мира и поведения человека в нем. Понятия эти слиты в единое целое (пару Дао-Дэ), как слиты человек и природа, частью которой он является. Имена этих категорий (говоря условно, так как первая характеристика

Дао – безымянность: «Имя, которое нельзя назвать») входят в название знаменитого канона «Трактат (книга) о Дао и Дэ», где «цзин» означает «книга». «Дао-дэ-цзин», по всеобщему мнению, является Библией восточного мира, Библией в том смысле, что представляет древнекитайскую философскую концепцию мироустройства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.